

Э. П. Карпеев

О СЛУЖЕНИИ ОТЕЧЕСТВУ

Введение

В настоящей статье предполагается создать достаточно полную картину длительного сотрудничества Германской академии наук в Берлине и Академии наук СССР по изданию эпистолярного наследия Леонарда Эйлера. Оно выпускалось в параллель к осуществляемому Швейцарским обществом естествоиспытателей изданию необычайно обширного полного собрания сочинений Леонарда Эйлера, в чем наша Академия также принимала участие. Это сотрудничество положило начало участию АН СССР в других послевоенных совместных проектах, что служило развитию науки в нашей стране, **и шло на пользу отечеству.**

Вначале хотелось бы отметить, что по этой теме не было ни одной публикации и только в самое последнее время появилась статья директора СПб Филиала Архива РАН доктора И. В. Тункиной¹ и воспоминания активного участника этой работы с немецкой стороны доктора Петера Хофмана², некоторый материал о Швейцарском обществе естествоиспытателей извлечен из статьи швейцарской журналистки Селии Лутербахер (Celia Luterbacher).³ Кроме этих статей используется работа А. Клайнерта (Германия) и М. Маттмюллера (Швейцария)⁴, описывающих столетнюю историю издания Полного собрания сочинений (Opera omnia) Леонарда Эйлера Швейцарским обществом естествоиспытателей.⁴

О названиях научных организаций

Во избежание путаницы в названиях всех упоминаемых в тексте научных организаций приведем следующую справку и начнем с Германии. В 1700 г. Академия наук была создана по решению прусского курфюрста Фридриха I под названием «Научное общество **курфюрста Бранденбургского**» (*Kurfürstlich Brandenburgische Societät der Wissenschaften*).

В 1701 году Фридрих стал королём Пруссии, и Академия была соответственно переименована в Прусское королевское научное общество (*Königlich Preußische Sozietät der Wissenschaften*).

В 1744 году, в правление Фридриха II, название снова было изменено на Королевская академия наук (*Königliche Akademie der Wissenschaften*).

В 1946 году ей дали название Германская академия наук в Берлине (*Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin*), а с 1972 года она стала именоваться как Академия наук ГДР. После объединения Германии с 1992 г. академия стала называться Берлинско-Бранденбургской академией наук. Стоит отметить, что часто со дня основания Германскую АН называли, подобно Парижской, просто Берлинской АН.

Об изменениях названия Российской Академии наук достаточно известно, хотя стоит отметить, что в 1915 г. во время войны с Германией, по понятным причинам, с переименованием Санкт-Петербурга в Петроград, наша Академия стала называться Императорской Российской Академией наук, а после революции и до образования СССР в 1925 г. она называлась, как и сейчас, Российской академией наук, потеряв императорское прилагательное.

Швейцарское общество естествоиспытателей, «Schweizerische Naturforschende Gesellschaft», сокращенно «SNG», было создано в 1815 году. Его основателями были фармацевт Анри-Альберт Госс ([Henri-Albert Gosse](#), 1753-1816) и физик и богослов Якоб Самуэль Виттенбах ([Jakob Samuel Wytttenbach](#), 1748-1830). В отличие от других научных организаций этого времени «SNG» допускало в свои ряды не только представителей научной элиты. Основатели Общества преследовали универсальную, важную не только для Швейцарии, но и для всего мира, цель: превращения естественных наук, процветавших тогда в Европе исключительно под эгидой монархической власти, в утилитарный инструмент и общедоступный ресурс гражданского просвещения.

С момента создания Швейцарской академии наук (SAS), в которую входили четыре академии, одной из них стала Академия естественных наук. Ею

назвали Швейцарское общество естествоиспытателей, поэтому, в частности в России, эту Академию почти до наших дней по-прежнему называли Швейцарским обществом естествоиспытателей.

В заключение этого раздела опишем Международную ассоциацию (союз) академий. Она была создана в 1899 г. по инициативе Лондонского королевского общества. Петербургская Академия наук вступила в её состав в 1900 г. Ассоциация предполагала проведение совместных работ, выходящих за пределы возможностей одной страны, например, крупномасштабные исследования в области сейсмологии, геодезии, астрономии и т. п., а также обмен научной литературой и архивными документами. Весной 1913 г. в Петербурге состоялся съезд Союза, наметивший создание ряда международных комиссий для организации совместных работ по изучению проблем времени, вулканологии и др. В. И. Вернадский вместе с Ф. Н. Чернышевым принимал активное участие в подготовке и проведении съезда, на котором Вернадский был избран в состав Подготовительной комиссии, которая должна была представить к следующему съезду Союза доклад об образовании международной комиссии по изучению вулканов.

С 1914 г. в связи с началом мировой войны деятельность Союза фактически прекратились.⁵ Мне же удалось найти лишь упоминание о ней в статье о Британской академии, где указывается, что Лондонское королевское общество в 1899 г. основало Международную ассоциацию академий (МАО), и в 1901 году создало Британскую академию, чтобы она могла бы участвовать в этой Ассоциации. По-видимому, Лондонское королевское общество не считало себя академией наук.

Международная ассоциация академий была создана заново в Брюсселе в 1919 году, но с несколько сокращенными функциями.

О Леонарде Эйлере

В статье, посвященной переписке Леонарда Эйлера, не будет лишним напомнить его краткую биографию. Родившийся и закончивший свое

образование в Швейцарии Леонард Эйлер (1707-1730) начал свое служение науке в Петербурге, где по воле Петра Великого сформировалась своя Академия наук. В неё были приглашены учёные из стран Европы. Почему-то сложилось мнение, что это были в основном немцы и только один француз - астроном Жозеф Николя Делиль (де Лиль).

Первым швейцарцем, служившим в Кунсткамере, которую Екатерина I передала в состав Академии, был художник Георг Гзель. На должности академиков наряду с немцами и французом были приглашены швейцарцы - математик Якоб Герман, и математики и физики братья Даниил и Николай Бернулли. По их рекомендации из Швейцарии в академию на должность адъюнкта (помощника академика) пригласили в 1726 г. девятнадцатилетнего Леонарда Эйлера.

В маленькой Швейцарии учёных было больше, чем вакансий для них, поэтому им приходилось искать места в других странах. И хотя в Базельском университете освободилась кафедра математики, несмотря на все успехи в науке, проявленные Эйлером, его кандидатуру отвели, как слишком молодого для руководства кафедрой.

Согласившись на приглашение из России, он приехал в Петербург только через год в мае 1727 года, посвятив это время изучению медицины. Свое служение науке он начал в Петербургской академии наук, когда ему было всего 20 лет.

Леонард, сын пастора Эйлера, носил фамилию, которая в переводе на русский звучит как горшечник. По всей вероятности предки Л. Эйлера не принадлежали к дворянству и были простыми тружениками. Способность много и добросовестно трудиться досталась в наследство их потомку. К его трудолюбию прибавились математический талант и широта научных интересов. Адъюнкт Эйлер обладал способностью усваивать иностранные языки, и эта способность проявилась еще и в том, что он уже через год бегло говорил по русски.

Молодой адъюнкт сразу же включился в научную работу и уже во втором томе научного журнала Петербургской АН «*Commentarii Academiae Imperialis Petropolitanae*» были напечатаны три его статьи. В общей сложности в этом журнале было опубликовано 400 научных статей Эйлера, значительно больше, чем трудов других академиков. Он стал академиком всего лишь через три года после приезда в Петербург.

Среди его научных трудов первого периода пребывания в России выделяется изданная в 1736 г. в двух томах «Механика, или наука о движении, изложенная аналитически», которая принесла Эйлеру общеевропейскую известность.

После смерти императрицы Анны Иоанновны в 1741 г. Академия наук пришла в запустение, и Л. Эйлер решил переехать в Германию. Одновременно с разрешением на отъезд в Германию Л. Эйлеру присвоили звание почетного академика и назначили ежегодную пенсию в размере 200 рублей в год.

Фридрих II пригласил Эйлера в свою Академию, в которой он проработал 25 лет и всё это время он сохранял связи в Петербургской АН и принимал у себя на обучение математике и астрономии петербургских адъюнктов. Когда же в 1766 г. у Эйлера испортились отношения с королем, императрица Екатерина II снова пригласила его в Петербургскую АН. Она удовлетворила все требования Эйлера, и в тот же год он с женой Катариной (он женился в свое первое пребывание в Петербурге на дочери Георга Гзеля) и с семейством вернулся в Петербург в её Академию наук. Здесь он прожил до конца своих дней.

Научное наследие Леонарда Эйлера было редкостным по своему объему и разнообразию тематики. Им было создано около 850 работ (включая два десятка фундаментальных монографий) по математическому анализу, геометрии, теории чисел, приближённым вычислениям, небесной механике, математической физике, оптике, баллистике, кораблестроению, теории музыки и другим областям науки, включая теологию. Он глубоко изучал медицину, химию, ботанику, воздухоплавание, теорию музыки, освоил множество

европейских и древних языков. В его эпистолярном наследии насчитывается 3 100 писем, значительная часть которых была посвящена научным проблемам. Главным его занятием была математика. В ней Эйлер добился наибольших успехов, поэтому математики, которые лучше других понимали значение его вклада в математическую науку, называли восемнадцатый век «веком Эйлера».

О первых попытках посмертного издания сочинений Эйлера .

Столетие со дня рождения Эйлера пришлось на время наполеоновских войн, когда было не до науки и её истории, в этих условиях никто даже не мог и подумать о праздновании какого-либо юбилея.

Далее в статье Клейнерта и Маттмюллера без ссылки на источник указывается, что в 1844 г. на чердаке дома Эйлеров в Санкт-Петербурге обнаружили 60 рукописей Л. Эйлера, которые правнук Эйлера Пауль-Генрих опубликовал в 1862 в двух томах под названием *Opera postuma*. По-видимому, это была первая посмертная публикация некоторых трудов великого математика. Затем возникла почти одновременно в Петербурге и Брюсселе мысль издать Полное собрание сочинений Леонарда Эйлера. Непременный секретарь Пб. АН Пауль Генрих Фусс внес такое предложение, и оно было с воодушевлением воспринято многими математиками, в том числе и академиком К. Г. Якоби. Однако, после подсчета расхода денег на это предприятие оказалось, что оно превысит бюджет всей Академии, и дело заглохло. По инициативе Якоби все-таки удалось выпустить в свет в 1849 г. два тома математических сочинений Эйлера, среди которых были опубликованные и неопубликованные ранее работы.

Математики Брюсселя также отказались от неподъемного по стоимости издания Полного собрания сочинений, но им удалось выпустить в свет 5 томов. Однако это издание подверглось критике.

В 20-м веке с первой попыткой издать Полное собрание сочинений Эйлера выступила Петербургская АН. Тункина начинает свою статью с выписки из протокола Общего собрания Петербургской АН, где отмечалось, что 8

октября 1902 г. на Общем собрании Академии математики А. А. Марков и А. М. Ляпунов «предложили ознаменовать 200-летний юбилей со дня рождения Л. Эйлера изданием его “Полного собрания сочинений”. Для подготовки издания была образована Комиссия, которая в 1904г. пригласила участвовать в издании Королевскую АН в Берлине. Однако Берлинская АН отказалась принять участие в проекте.

В статье Клейнерта и Маттмюллера этот отказ объяснялся тем, что Петербургская АН брала на себя издание математических трудов Эйлера, а Берлинской предлагалось издавать физические сочинения. Выдающийся физик академик Макс Планк по этому поводу заявил: может верно, что математики до сих пор черпают вдохновение в сочинениях Эйлера, но издание физических сочинений Эйлера «не в интересах физики, как науки нашего времени». В результате Берлинская АН отказалась вкладывать свои деньги в этот проект, поэтому «к ноябрю 1907 г. Комиссия, проведя всего шесть заседаний, закончила свое существование».

О создании полного собрания сочинений Эйлера

Энтузиастом идеи издания Полного собрания сочинений Леонарда Эйлера был швейцарский и германский математик и историк математики Фердинанд Рудио (1856-1929). Выступая на первом Международном Конгрессе математиков, который состоялся в Цюрихе в 1897 году, он призывал мировое сообщество выполнить свои обязательства перед великим ученым, издав собрание его сочинений. В 1907 г. на юбилейном заседании Швейцарского общества естествоиспытателей профессор математики Политехнического института в Цюрихе Ф. Рудио снова предложил Обществу взяться за издание Полного собрания сочинений (*Opera omnia*) Леонарда Эйлера. Его предложение было принято и Общество создало специальный комитет (комиссию), который начал эту работу. Эйлеровский комитет в частности, обратился в Петербургскую АН с предложением участвовать в этой работе. По сведениям Тункиной в 1909 г. Общее собрание Петербургской АН приняло

это приглашение и заказало за счет бюджета Академии 40 экземпляров издания с рассрочкой на 20 лет.

Для выявления и составления описи рукописей Эйлера, хранящихся в Архиве АН, специальной комиссии были выделены 1000 рублей. Эти деньги были получены от Международной ассоциации академий (МАА), которая по просьбе 4-го математического конгресса в Риме (1908 г.) тоже приняла участие в этом проекте.

В 1910 г. в Швейцарию в библиотеку Политехнического института в Цюрихе для Общества естествоиспытателей из библиотеки Петербургской Академии были высланы 17 книг, а позже 7 ящиков рукописей Эйлера. Все эти материалы следовало возвратить в библиотеку АН.

Интересно отметить, что почти одновременно с работой по созданию описей материалов Эйлера в Архиве Петербургской АН шведский математик Густав Энестрём (Gustaf Eneström) готовил полный перечень опубликованных работ Эйлера, в который входили 850 названий. Этот перечень стали называть «индексом Энестрёма».

Результатом работы в Архиве АН на правах рукописи был издан «Перечень рукописей Леонарда Эйлера, хранящихся в Архиве конференции Имп. Академии наук» (СПб. 1910). Этот перечень 209 документов был направлен Швейцарскому обществу естествоиспытателей.

Первая мировая война и последующие события в России надолго прервали в ней эту работу. Однако, как пишут Клейнерт и Маттмюллер, Швейцарское общество начало и продолжало издание Opera Omnia на деньги, поступающие от подписки трех Академий – Берлинской, Парижской и Петербургской, но главным образом - от жертвователей из Швейцарии и других стран. В результате в распоряжении Общества оказалось 300 тысяч швейцарских франков и финансовая проблема была решена. Что же касается состава редакции, нуждающейся в очень квалифицированных специалистах, то свои услуги предложили 20 ученых, среди которых был уже известный нам Густав Энестрём из Стокгольма, а также Адамар Жак из Парижа, Туллио Леви-

Чивита из Падуи, Герхард Ковалевский из Праги и Генрих Вебер из Страсбурга, который стал редактором издания. Комитет редакции решал, какие работы Эйлера включать в соответствующие серии томов издания и, в частности, не сумел решить проблему публикации писем Эйлера. Члены редакции считали, что в Opera Omnia следует публиковать только письма, имеющие научное содержание. Однако не сумели договориться о критериях отбора таких писем, и приняли решение отложить эту проблему и пока писем Эйлера не публиковать. Этим занялись впоследствии Германская академия наук в Берлине и АН СССР, о чем пойдет речь ниже.

В 1921 г. Швейцарское общество естествоиспытателей предложило Российской АН возобновить работу по изданию Полного собрания сочинений Эйлера. К тому времени Общество сумело издать шесть томов и наша Академия решила купить сорок комплектов книг, заплатив за них 60 тысяч швейцарских франков по номинальной цене. Академик А. Н. Крылов приехал в этом же году на заседание Эйлеровского комитета, и познакомился с условиями хранения присланных до войны документов Эйлера.

В этих сведениях, заимствованных из статьи И. В. Тункиной, есть расхождение с данными Клейнерта и Маттмюллера. Они утверждают, что, начав издание Opera Omnia в 1911 году, к 1919 году удалось издать 14 томов. Представляется, что Российской академии наук продали по номинальной цене лишь 40 комплектов шести первых томов, а вопрос о покупке комплектов остальных восьми томов остался тогда нерешенным.

Следующий этап связи АН СССР с Швейцарским обществом естествоиспытателей начался в 1960 г., когда действительный член Международной академии истории науки Адольф Павлович Юшкевич (1908-1993) стал членом Эйлеровского комитета этого общества. Окончив в 1929 г. физико-математический факультет Московского государственного университета, он уже в 1940 г. стал доктором физико-математических наук и профессором МГУ. С момента основания академического Института истории естествознания и техники и до конца жизни он был сотрудником этого

института. А. П. Юшкевич специализировался в области истории математики вообще и России, в частности. Он стал одним из немногих учёных, хорошо знающих труды Леонарда Эйлера, высоко ценивший его как математика и разностороннего учёного. В Эйлеровском комитете Юшкевич был сторонником издания эпистолярного наследия Эйлера в сериях Opera Omnia.

В 1967 году была закончена работа по выявлению всех хранящихся в академическом Архиве и в учреждениях АН писем Эйлера и присланных к нему. Причем все документы, а их насчитывалось 2654, были аннотированы, то есть приготовлены к работе по их изданию и были в том же году опубликованы.⁶ В Предисловии Юшкевич в развернутом виде показывал научную ценность этой переписки. И в заключение, как член Эйлеровского комитета, отмечал: «Предполагается, что Швейцарское общество естествоиспытателей издаст эту переписку в дополнение к 72 томам его Полного собрания сочинений».

Об издании эпистолярного наследия Эйлера Германской и АН СССР

Адольф Павлович был центральной фигурой в работе с Германской академией в Берлине по изданию переписки Эйлера. Столь же значительным участником и инициатором этой работы с немецкой стороны был академик Германской академии наук в Берлине Эдуард Винтер (1896-1982). Его жизнь сложилась совсем иначе, чем у Юшкевича. Э. Винтер родился в Австро-Венгрии, затем оказался в Чехословакии, а после присоединения части территории этой республики к Германии, он стал жить в фашистской стране. После окончания второй мировой войны он переехал в Австрию, а немного времени спустя переехал в г. Галле, находившемся в советской зоне, и наконец, переехал в Восточный Берлин и закончил жизнь в Германской демократической республике.

Эдуард Винтер (*Eduard Winter*) родился в г. Гроттау, расположенном в Северной Богемии Австро-Венгрии (ныне Градец-над-Нисой Либерецкого края Чешской Республики). Учился на богословском факультете Университета

Инсбрука, где в 1919 г. был возведен в сан католического священника. Продолжил учёбу в немецком университете в Праге.

Петер Хофман в своих воспоминаниях отмечает, что Винтер, уроженец Богемии, уже в то время стал интересоваться взаимоотношениями славян с немцами. Впоследствии этой теме он посвятил часть своих научных монографий.

В 1921 году получил степень доктора богословия и с 1927 года стал преподавать в этом университете христианскую философию на Богословском факультета. Впоследствии он разочаровался в католичестве и обратился с просьбой об освобождении его от сана, после чего он был отлучен от церкви.

В 1940 г. женился на Марии, владевшей домом в курортном городе Маубах на Ахензее. С осени 1941 г. преподавал курс европейской интеллектуальной истории того же университета. Сферой его научных интересов стало реформирование католицизма и Джозефизм ([Иосифизм](#))⁷. По этой теме он создал отдельные монографии.

В конце июля 1945 г., когда была восстановлена государственность Австрии, его жена стала австрийской подданной, такое подданство получил и её муж Эдуард Винтнер, который сохранил это подданство до конца своей жизни.

В католической Австрии, писал Петер Хофман, для отлученного от сана священника не нашлось места, и Винтер принял приглашение в университет города Галле (*Halle am Saale*), в котором он с 1946 года был профессором, с 1948 – ректором этого университета. В 1951 г. он переехал в Восточный Берлин, где стал профессором Берлинского университета им. Гумбольдта, и занимался в архиве Германской академии наук в Берлине, изучая документы о славянско-немецких связях.

В 1955 г. он стал академиком этой Академии, которая в это время готовилась к празднованию 250-летнего юбилея Л. Эйлера. Винтер включился в эту работу и в 1956 г. получил научную командировку в Советскую Россию, чтобы согласовать действия обеих Академий. В Москве он встретился с А. П.

Юшкевичем. Они решили, что следует издать всё эпистолярное наследие Эйлера, причем, отмечает Хофман, для Винтера Эйлер был центральной фигурой в осуществлении научных связей России и Германии, а для Юшкевича было важно опубликовать письма Эйлера, что позволит убедить издателей Opera Omnia в необходимости создания дополнительной серии к трём первым сериям, над которыми работал Эйлеровский комитет Швейцарского общества естествоиспытателей. Цели были разными, но согласие между ними было найдено, и работа вскоре началась. Академию наук СССР представлял Институт истории естествознания и техники, а Германскую – Институт истории, в котором работали академик Винтер и его сотрудник Петер Хофман.

В первом томе, изданном в 1959 г., была помещена переписка Эйлера с конференц-секретарем Петербургской АН Герхардом Фридрихом Миллером.

Надо отдать должное Хофману, который в своих воспоминаниях писал, что в числе работающих над томом была упомянута его фамилия, но не было фамилии Копелевич Юдифи Ефимовны (1921-2002), хотя она, владеющая немецким и латинским языками и имевшая хороший навык в чтении немецкого готического письма, была «правой рукой» А. П. Юшкевича в Ленинграде. Вместе с Хофманом они работали над примечаниями к тому. С 1959 г. доктор Петер Хофман стал часто бывать в Ленинграде и Москве, работая с сотрудниками Института истории естествознания и техники и в Архивах обоих городов. Благодаря этому упрощалась и убыстрялась работа над всеми томами переписки Эйлера. Всего было выпущено четыре тома. Первые три вышли под общим названием «Берлинская и Петербургская академии наук в переписке Эйлера». Во втором томе была опубликована переписка Эйлера с А. К. Нартовым, К. Г. Разумовским, И. Д. Шумахером, Г. Н. Тепловым и переписка с Петербургской АН в период с 1730 по 1765 годы. Второй том вышел в свет в 1961 г. Следующим был том, в котором предполагалось издать переписку Эйлера с Христианом Гольдбахом. Переписка с ним происходила главным образом уже тогда, когда Гольдбах

покинул Академию наук, что выходило за рамки названия серии. Проблема заключалась ещё и в том, что переписка в основном касалась чисто математической тематики и для издания тома требовались специалисты, хорошо разбирающиеся в математических проблемах. Как пишет П. Хофман в своих воспоминаниях, Винтер добился передачи подготовки этого тома в Отделение философии, государства, права и экономики Германской академии наук в Берлине. Кроме того были привлечены два математика - Максимилиан Миллер и Гельмут Кох, но издательская подготовка была выполнена в Институте истории АН. Этот том был выпущен в серии «Статьи Германской академии наук в Берлине. Отделение философии, государства, права и экономики» под названием «Леонард Эйлер и Христиан Гольдбах. Переписка. 1729-1764 гг.»

О завершающем работу четвертом томе Хофман пишет, что он был почти полностью посвящен публикации писем [Эйлера](#) в Лондон Иогану Каспару Виттштейну (его ответных писем Эйлеру пока найти не удалось).

По сведениям Хофмана, Виттштейн (1695-1760) был капелланом герцога Уэльского, его библиотекарем и вместе с этим - членом Лондонского королевского общества. Эйлер писал ему письма на французском языке. Их расшифровка и представление в машинописном варианте, выполненными для другого издания, как указано в Предисловии к тому, сотрудницей Ленинградской части Института истории естествознания и техник Татьяной Николаевной Кладо (1880-1972), частично была использована при издании четвертого тома. Работа была завершена в 1975 году.

Несмотря на то, что переписка Эйлера будет переиздана, как правильно пишет Хофман, она не утратила своего значения прежде всего при изучении Берлинского периода жизни и деятельности Леонарда Эйлера.

О переиздании переписки Эйлера

Когда начал работать Эйлеровский комитет Швейцарского общества естествоиспытателей было решено Opera Omnia издать в виде трех тематически определенных серий томов. Так вся первая серия (30 томов) была

посвящена математическим трудам Эйлера, Вторая должна была содержать его труды по механике и астрономии (30 томов) и в третьей (12 томов) – работы по физике и другим наукам, которыми занимался Леонард Эйлер. Но когда в 1967 г. в Берлине вышел том переписки Эйлера с Гольдбахом, он был очень хорошо оценен математиками. Воодушевленный этим швейцарский Комитет Эйлера принял решение не ждать окончания выпуска всех 72 томов *Opera Omnia*, а уже с этого времени начать издавать дополнительную к *Opera Omnia* четвертую серию, в которой опубликовать переписку Эйлера и его неопубликованные рукописные работы. Соответственно четвертую серию пришлось разделить на две подсерии IVA и IVB, причем вначале предполагалось заняться перепиской, а публикацию рукописных работ отложить.

Поскольку большинство оригиналов писем Эйлера хранились в Ленинградском архиве, а также то, что в АН СССР имелись специалисты по Эйлеру, подсерия IVA должна быть создана как совместный проект швейцарской и советской Академий. Поэтому второй комитет редакции был учрежден в составе четырех членов из СССР и четырех из Швейцарии. В работе этого комитета принимали участие с советской стороны сотрудники Института истории естествознания и техники. А. Григорян, Г. К. Михайлов и Юшкевич. Адольф Павлович играл во втором комитете решающую роль. Не говоря уже о том, что он в это время был президентом Международной академии истории науки, Адольф Павлович был еще и автором идеи предварительного издания переписки Эйлера, что, как уже говорилось, по мысли Юшкевича, должно было показать научную ценность этой переписки, и он оказался прав. За переиздание переписки взялся значительно раньше, чем планировалось, Эйлеровский комитет. Он поручил второму комитету заниматься только изданием подсерии IVA. В начале подкомитет выработал принципы издания переписки. Наиболее существенным из них было решение издавать переписку на языке оригинала без всяких купюр и сокращений. Весь научно-издательский аппарат (примечания, комментарии и т.п.) должен был

издан на рабочем языке – немецком или французском. Исключение было сделано лишь для тома с перепиской Эйлера с Гольдбахом. Комитет редакции и редакторы были убеждены, что эта переписка включает в себя так много идей и предложений, которые представляют интерес для современных математиков (в частности, в теории чисел), что она должна быть доступной для мирового сообщества учёных и не только для историков науки. Поэтому было решено выбрать английский язык в качестве рабочего языка для этого тома (том 4 подсерии IVA) в дополнение к первоначальному тексту, который написан в странной смеси немецкого, латинского и французского языков.

По всей вероятности по предложению Юшкевча, в первом томе этой подсерии была опубликована опись переписки Эйлера, известной к моменту выхода в свет Аннотированного перечня писем⁸, переводом которого и является эта опись. В ней для каждого письма приводится его краткое резюме, указываются сведения о времени его написания и о языке, данные о месте хранения и о том опубликовано ли письмо и, если опубликовано, то когда и где. Этот том был напечатан в 1975 г.

К 1998 г. вышло в свет восемь томов переписки с Клеро, Мопертюи, братьями Бернулли, с Фридрихом II и др. Но дальше все застопорилось. Как пишут Клейнерт и Маттмюллер, к этому времени появились финансовые трудности, и стало всё труднее найти квалифицированных редакторов, хорошо владеющих немецким, французским и латинским языками, знакомых с математикой, физикой и астрономией, а также иметь навык к чтению рукописных документов 18 века, что само по себе очень трудное занятие.

Как видим, время завершения издания *Opera omnia* перешагнуло во второе столетие!

Заключение

У меня есть фотография 30-х годов прошлого века, на которой можно увидеть блестящее сообщество физиков во главе с Альбертом Эйнштейном и поражающим количеством Нобелевских лауреатов. Их успехи в известной мере

объяснялись обменом информации и помощью в обсуждении возникающих проблем.

Описывая совместную работу учёных по изданию *Opera omnia*, мы пытались показать, как важно сотрудничество учёных с различными научными взглядами, методами и навыками работы. Такое сотрудничество важно не только для сообщества учёных, но и для науки, культуры и **благосостояния своего Отечества.**

Примечания

1. Тункина И. В. Euleriana в Санкт-Петербурге. //Материалы XXXIV ежегодной конференции. Вопросы теории и истории. Вып.31. СПб. 2015. с.259-252.
2. Воспоминания Петера Хофмана, оформленные в виде статьи с заголовком «Берлинское издание писем Эйлера 1859-1975. О совместной работе Германской академии наук в Берлине с АН СССР в третьей четверти 20 века» в моем переводе на русский язык приняты редакцией журнала Вопросы истории естествознания и техники и будут опубликованы в его очередном номере.
3. Как в Швейцарии 200 лет назад осознали пользу науки. (поиск в Интернете).
4. Kleinert A., Mattmüller M. Leonardi Euleri Opera omnia the European omnia centenary. NEWSLETTER of mathematical society. History September 2007. pp 25-31.
5. Сведения о МАА любезно предоставлены мне И. В. Тункиной с указанием источника.
6. Леонард Эйлер. Переписка. Аннотированный указатель. Л.; 1967.
7. Иосифизмом называют внутреннюю политику, проводимую императором Священной Римской империи Иосифом II по отношению к Римско-католической церкви и её влиянию в австро-венгерском обществе.
8. См. ссылку 6